

*В.А. Перминова**

**Проблема политической
интеграции колоний Японией
(на примере Тайваня)**

АННОТАЦИЯ: Проблема политической, экономической и культурной интеграции метрополии и подконтрольных территорий являлась основной задачей в колониальной политике Японской империи. По сравнению с установлением тесных экономических связей и ассимиляцией местного населения законодательная унификация Тайваня и Японии происходила гораздо медленнее. Особая политика японского руководства, основанная на системе разделения властей при условии доминирования административной ветви, приводила к ещё большей концентрации власти в руках генерал-губернатора и тормозила процесс адаптации японского законодательства на территории колонии. Следствием такой политики стали многократные попытки местного населения расширить собственные права, которые, будучи не принятыми во внимание японским руководством, перерастали в анти-японские восстания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Тайвань, Япония, колония, Китай, политическая интеграция, Конституция.

Японская империя после победы в войне с Китаем в 1895 г. вошла в число колониальных держав и начала активно расширять своё влияние в Азиатском регионе. Не имевшая опыта управления колониями, Япония придерживалась собственной модели освоения подконтрольных территорий, совмещавшей принципы английского и французского колониального управления. Выявить особенности политического

* Перминова Вера Александровна, отдел Китая Института востоковедения РАН, Москва, Россия. E-mail: verger177@yandex.ru

переустройства японских колоний и проследить взаимодействие империи с её «внешними территориями» удобнее всего на примере Тайваня — первой колонии Японии, оккупация которого продолжалась почти полвека. Именно в процессе освоения этого острова проявились основные черты уникальной восточной модели колониального управления.

Вопрос о правовом статусе Тайваня встал перед японцами сразу же после его приобретения. На начальном этапе оккупации острова у японского руководства не было чёткой программы освоения колонии. Стратегию Японии в этот период можно охарактеризовать как «выработка наиболее подходящего способа управления путём проб и ошибок». Часть японской элиты придерживалась мнения о том, что Тайвань следует превратить в автономный район, где реализовывалось бы достаточно независимое от центра управление. Другая часть элиты настаивала на том, чтобы полностью интегрировать Тайвань в состав империи и использовать остров в качестве дополнительного места для расселения японцев. Для этого было необходимо выселить оттуда значительную часть китайского населения [2, л. 12–13], т.к. на Тайване, в отличие от, например, Канады или Австралии, колонистам было бы негде расселяться.

Английский советник при правительстве Мэйдзи Вильям Кирквуд, принимавший участие в формировании колониальной политики Японии, предлагал не интегрировать Тайвань в состав империи, а реализовывать на острове косвенное управление при условии уважения традиций, культуры и языка местного населения. По его мнению, гарантией эффективного контроля всей территории острова должно стать формальное разделение японской и местной культур и поддержание авторитета правящей нации. Отсутствие разделения на три ветви власти должно было позволить колонии существовать в рамках прежней законодательной системы, основу которой составляло единоличное управление губернатора. Как считал В. Кирквуд¹, установление разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти, как это было в Японии, невозможно на Тайване, и поэтому лишено смысла, т.к. нереализация этого принципа нарушала бы основной закон государства [13, с. 6].

По мнению французского советника Мишеля Рована², Японии следовало не только установить на Тайване разделение властей, но и применить в колонии Конституцию Мэйдзи. Только полная законодательная интеграция колонии с метрополией с первых лет её оккупации

¹ William Montague Hammett Kirkwood (1850–1926).

² Michel Joseph Roven.

могла гарантировать эффективную ассимиляцию местного населения. На практике политическая интеграция означала, что японцы должны были предоставить жителям Тайваня те же права, которыми обладали сами японцы в метрополии, в том числе, и право на самоуправление.

Поначалу японские власти отвергли вариант косвенного управления, более того, было принято решение сделать упор не на национальные и культурные различия японцев и тайваньцев, а на их сходства. Однако, по причине того, что Тайвань не мог моментально стать частью империи, то на первом этапе было решено временно использовать принципы косвенного управления и постепенно адаптировать колонию к законодательной базе метрополии. При этом, хотя на Тайване устанавливалась система разделения властей, а управление осуществлялось на основе местных законов, активная ассимиляция местного населения оставалась приоритетной задачей в программе освоения острова.

Фактически, Япония выбрала средний вариант, совмещающий английскую и французскую модели — осуществление косвенного управления при наделении губернатора всей полнотой власти, формальное разделение властей и активное вмешательство в местную культуру. Рассмотрим эти принципы подробнее.

Законодательство на Тайване

Юридически Тайвань, Корея и южная часть Сахалина являлись колониями Японии и входили в состав Японской империи. Они назывались «внешними территориями» (外地), в противоположность «внутренним территориям» (内地), к числу которых относились Японские острова, Курильские острова и острова Рюкю [9, с. 12–13].

Законы, принимаемые в Японии, не распространялись на территории Тайваня автоматически — для действия определённого закона требовалось подтверждение премьер-министра. Кроме того, те законы, которые издавались местными властями, должны были проходить через подтверждение метрополии, а генерал-губернатор был обязан предоставить в центральное правительство проект будущего закона с пояснением необходимости его принятия. На практике подтверждение местных законов японским правительством практически никогда не происходило, т.к. введение новых законов на территории колонии без санкции центра обычно объяснялось срочностью предпринимаемых мер [9, с. 260].

Из-за того, что на территории Тайваня было проще принять местный закон, чем добиваться действия японского, генерал-губернаторы охотнее прибегали к своему праву издания законов, а пытались адап-

тировать жизнь на Тайване под японское законодательство. Императорские указы, не относящиеся к поддержанию порядка в колонии и те, которые определяли организацию различных ветвей власти, применялись редко. Начиная с 1921 г., во время пребывания в должности первого гражданского губернатора Дэна Кэндзио, было принято постановление, согласно которому местные указы на Тайване следовало принимать только в том случае, когда подобное регулирование не содержалось в законах метрополии, либо когда специфика местных условий не позволяла применить какие-либо нормы японского законодательства. То есть, в 1920–30-х гг. Тайвань в законодательном плане стал более интегрированным с метрополией, и действие японских законов стало скорее правилом, чем исключением [9, с. 256]. Впоследствии, с началом военных операций Японии в Китае в 1937 г., законодательство Тайваня вновь стало «местным» и менее зависимым от центрального правительства.

Конституция

Вопрос о распространении действия Конституции на Тайвань, вставший на повестку дня с первых дней оккупации острова, являлся важным показателем его политической интеграции в состав метрополии. Тайвань был провозглашён частью Японской империи³, и это означало, что власть императора распространяется в полном объёме на всей территории острова. Поэтому отсутствие действия Конституции ставило под вопрос легитимность японского управления, ведь нельзя было допустить ситуации, когда основной закон государства, рубежи которого были значительно расширены в конце XIX — начале XX вв., не действовали бы в каком-либо его регионе. Более того, сторонники данного подхода подчёркивали важность действия Конституции на территории Тайваня как основы «политической ассимиляции» её населения.

С другой стороны, противники введения действия Конституции на Тайване подчёркивали тот факт, что Конституция Мэйдзи создавалась для управления Японией, а не всей территорией Восточной Азии, поэтому для более эффективного управления в колониях следовало учитывать их специфику в местном законодательстве [12, с. 247–248]. Хотя конечной целью колонизации Тайваня была полная интеграция острова с Японией, предполагалось постепенно адаптировать колонию к законодательству метрополии, для чего в качестве временной меры предлагалось наделить генерал-губернатора дополнительными

³ В 1897 г. тайваньцы были провозглашены подданными японского императора.

полномочиями и применять японские законы на территории Тайваня частично.

В результате японским руководством был выбран компромисс между указанными двумя вариантами, который оказался на тот момент наиболее выгодным — с одной стороны, формально объявлялась интеграция колонии с метрополией, с другой стороны, местные власти могли проводить свою политику практически независимо от центрального правительства. В 1896 г. было принято постановление правительства о том, что Конституция Мэйдзи будет действовать на Тайване частично, а генерал-губернатор получал право издавать местные законы. Однако из-за резкой критики этого закона в парламенте Японии, он был трансформирован во «временный закон» (закон № 63 六三法案), который должен был действовать только 3 года. На практике, это временное постановление действовало на протяжении всего периода оккупации (его действие продлевалось в 1902 и 1906 гг., с 1921 г. — установлено бессрочно). Это означало, что на Тайване при формальном действии системы разделения властей на три ветви на практике функционировала только исполнительная власть [13, с. 7–8], которая практически полностью подменяла собой законодательную и судебную⁴.

Разделение власти на три ветви японцы и не предполагали реализовать на Тайване в полной мере. В 1902 г. губернатор Тайваня Кодاما Гэнтаро озвучил позицию японского правительства по отношению введения этой системы в колонии: «Правовые системы в Японии и Китае в корне отличаются, поэтому на Тайване должно быть реализовано управление по „старому образцу“, а именно, должно быть установлено верховенство исполнительной власти над всеми остальными и концентрация власти в руках губернатора. На Тайване никогда не действовала система разделения властей, и о её преимуществе тайваньцы не знают» [13, с. 9]. Впрочем такая законодательная модель, по мнению некоторых историков, была малоприменима на Тайване. Дело в том, что «старый образец», т.е. китайское управление до 1895 г., основывался на доверии народа к действующей власти, не предполагал участие подданных в политике государства, равно как и не предполагал колониальную модель, когда территорией управляют захватчики. Для тайваньцев оказалась более близка европейская модель взаимодействия народа и власти — когда граждане не воспринимают действующую власть как априорно авторитетную и борются

⁴ Напомним, что полицейские, представляющие исполнительную власть, могли осуществлять судопроизводство и сами же приводить наказание в исполнение.

за свои права [13, с. 9–10]. Именно этим пониманием были обусловлены попытки населения Тайваня ограничить власть генерал-губернатора и расширить свои избирательные права.

Самоуправление

Учреждение органов самоуправления на Тайване приходится на период администрации Дэна Кэндзио, когда неудачи в проведении этнической политики и череда восстаний, вспыхнувших в 1911–1915 гг. заставили японцев пересмотреть основные принципы управления колонией. В 1921 г. был создан консультативный совет⁵ по законодательным вопросам, в состав которого входили 25 человек — японцы и тайваньцы приблизительно в равной пропорции. Тайваньцы назначались губернатором, являвшимся председателем совета, и состояли в основном из представителей бизнеса. Решения совета носили рекомендательный характер и не имели обязательную силу при проведении внутренней политики на острове. Очевидно, такая структура не обладала какой-либо самостоятельностью и не могла влиять на решения японских властей.

Начиная с 1934 г. на Тайване было введено избирательное право. Тайваньцы, которые вносили дополнительный налог, могли избирать представителей (50%) в местные консультативные советы. Введение такой системы, которая пусть и накладывала определённые ограничения на деятельность членов советов, всё же может считаться важной вехой в политическом развитии Тайваня.

Участие тайваньцев в работе консультативных органов местного самоуправления заставляло их задумываться о возможностях расширения их политических прав. Первая попытка правового ограничения власти губернатора колонии была предпринята в 1921 г., когда была составлена петиция о создании Тайваньского парламента. В тексте прошения тайваньцы признавали суверенитет Японии над Тайванем («Тайвань принадлежит Японской империи и является её частью»), а необходимость создания парламента объясняли необходимостью управления Тайванем с учётом его исторических, культурных и географических особенностей [14, с. 312].

Однако все попытки создания независимого органа самоуправления японцами пресекались, а петиция даже не была рассмотрена японскими парламентариями. Более того, те люди, которые агитировали за принятие такого закона, были оштрафованы и лишены значительного количества прав и льгот [11, с. 150]. Максимум, на что могли пойти

⁵ Первый консультативный совет был создан в 1906 г., однако был вскоре распущен.

японские власти в плане предоставления политических прав — это оставить за тайваньцами несколько мест в японском парламенте. Впрочем, этого пришлось ждать довольно долго — только к 1946 г. планировалось предоставить Тайваню 3 места в верхней и 5 мест в нижней палатах парламента [3, с. 189].

Необходимость установления на Тайване системы разделения властей, пусть даже реализуемой не в полной мере, была напрямую связана с вопросом экстерриториальности, который вплоть до конца XIX в. оставался нерешённым в самой Японии. Консульская юрисдикция (т.е. право граждан западных стран не подчиняться решениям японских судов) была отменена только в 1899 г. Только после установления судебной системы по европейскому (прусскому) образцу суды Японии получили право решать дела иностранцев в рамках собственного законодательства. Очевидно, для защиты собственных интересов, такую же систему Япония должна была хотя бы формально установить и на Тайване с тем, чтобы избежать вмешательства других стран в дела колонии.

Судопроизводство

В первые годы управления Тайванем японские законы действовали только в отношении граждан Японии, находящихся в колонии, а все дела, не имеющие отношения к японцам, разрешались согласно местным обычаям. Только в 1928 г. гражданские законы, действовавшие на Тайване, были заменены японскими, также были введены в действие торговый и гражданский процессуальный кодексы Японии. Дела, касающиеся семьи, и вопросы наследования по-прежнему разрешались согласно старым китайским обычаям. Что касается уголовного законодательства, то его действие не распространялось на Тайвань. Основу уголовного права колонии составляли особые декреты и приказы, кроме того, оставались в действии особые законы о наказании за восстания⁶.

Юрисдикция Верховного суда Японии не распространялась на судебные органы Тайваня, поэтому вся судебная практика была регламентирована местными законами. На Тайване была принята двухступенчатая система, которая разделяла судебные органы на местные и верховный суды. Работники судов обладали неприкосновенностью и ограждались от увольнения и перевода на другую должность, хотя случаи прямого давления со стороны правительства всё

⁶ Наказания туземцев во время как крупных (1930 г.), так и более мелких восстаний основывались именно на постановлениях особого закона, единственной карательной мерой в котором признавалась смертная казнь.

же происходили⁷. Должность следователя не была защищена какими-либо постановлениями, а обязанности местного судьи и прокурора разрешалось исполнять полицейским [4, с. 109].

Закон, позволявший полицейским выполнять функции следователя, прокурора, судьи и исполнителя наказания одновременно, был принят в 1904 г. Генерал-губернатор, который направлял проект этого закона на рассмотрение в кабинет министров, аргументировал необходимость его принятия следующим образом: 1) тайваньцы лишены правового сознания и не знакомы с понятием прав человека, поэтому для них не принципиально, будет осуществляться судебный процесс исполнительными или специальными судебными органами; 2) на Тайване до прихода японцев действовала правовая система Китая, которая не предполагала разделения властей; 3) за последний год из 8 тыс. подозреваемых только половина прошла полноценную судебную экспертизу, т.к. по техническим причинам не было возможности заслушивать каждого в судебном порядке. В случае принятия закона, можно было бы сократить бюджетные расходы и упростить ненужную процедуру судебной экспертизы; 4) учитывая, что закон может усилить антияпонское сопротивление, мы готовы предоставить подозреваемому право обратиться в суд в случае, если он не согласен с решением, вынесенным ему полицейским [13, с. 10]. Для решения вопросов, касающихся наказания участников восстаний, была создана судебная комиссия. Комиссия часто работала с большими нарушениями судебной практики, а приговоры иногда приводились в исполнение без рассмотрения дел.

Несмотря на то, что упрощённое судопроизводство, осуществляемое полицейскими, являлось грубым нарушением принципа разделения властей, если сравнивать судопроизводство во время японской оккупации с периодом китайского управления (до 1895 г.), то можно сказать, что при японцах судебный процесс носил более правовой характер. При китайских властях дела часто не дожидались своего рассмотрения в суде по причине отказа потерпевшей стороны от своих претензий — взятки, которые регулярно получали судьи, фактически предопределяли исход дела [11, с. 204].

В период японского управления тайваньцы были в большей мере защищены законом. Во всяком случае, в делах, не связанных с антияпонскими выступлениями, жители острова могли рассчитывать на удовлетворение своих законных требований. Правовое регулирование

⁷ В 1897 г. произошёл случай с увольнением генерал-губернатором начальника верховного суда, несмотря на то, что формально работники суда находятся под защитой конституции.

при японцах в период оккупации оказало значительное влияние на сознание тайваньцев. Позднее, вновь столкнувшись после 1945 г. с отсутствием правоприменения, многие вспоминали японский период как время, когда люди были в большей мере защищены законом [10].

Координация центральной и местной властей

Степень политической интеграции колонии и метрополии зависит от того, насколько местная администрация подчиняется центральному правительству. В Японии вопросами управления колониями до 1897 г. занималось министерство по делам колоний (созданное в 1896 г.), после чего общее руководство перешло в руки премьер-министра, а позднее решение вопросов, касающихся функционирования колоний, стало контролировать министерство внутренних дел [8, с. 268]. На Тайване в период правления гражданских губернаторов (1919–1936 гг.) власти острова были в большей степени зависимы от решений японского парламента. В начале 1920-х гг. во время работы премьер-министра Хара Такаси было налажено ещё более тесное взаимодействие между генерал-губернаторством Тайваня и японским правительством (премьер-министр и министры финансов, образования, сельского хозяйства, торговли и промышленности следили за работой местной администрации) [12, с. 264]. После начала войны с Китаем центральное правительство удалилось от насущных проблем колонии, тем самым заставив тайваньцев убедиться в необходимости предоставления населению дополнительных политических прав.

Доказательством не всегда скоординированной работы местных и центральных властей может служить поездка графа Итагаки на Тайвань, организованная после известий о вспыхнувшем в 1915 г. восстании, незадолго до которого местные власти отчитывались перед правительством об окончательном покорении туземцев. В японской прессе, освещавшей эту поездку, говорилось о «невозможности полного контроля и координации действий японского правительства и местного формозского генерал-губернаторства» [7, с. 41]. Авторы признают, что «очень много событий из жизни Формозы по тем или иным причинам не доходят до Японии», поэтому «чем больше будут в Японии знать об истинном положении вещей на Формозе, <...> тем вернее будут формозцы судить о Японии» [7, с. 41]. Японское правительство возлагало большие надежды на эту поездку, поскольку графу Итагаки предстояло на месте выяснить основные причины неудачи этнической политики на острове. В ходе визита граф отметил грубое обращение японских властей с туземцами, недоступность образования для населения и излишне активную ассимиляцию тайваньцев [5, с. 42–43].

Известен ещё один случай, подтверждающий неспособность местных властей Тайваня проводить колониальную политику, утверждённую центральным правительством. По сообщению из китайской прессы, один японский учёный, получивший коллективное послание от жителей Тайваня, во время одной из своих публичных лекций обратил внимание своих слушателей на то, что главной причиной происходящих на острове беспорядков является «взяточничество и продажность администрации на Тайване» [6, с. 38]. Известный востоковед С.Г. Елисеев после посещения Тайваня в 1912–1913 гг. сделал те же выводы относительно местных властей: «Японцы не сумели заставить население острова себя любить и уважать. И главным образом в этом нужно винить не высшее управление, а местных властей, которые притесняют и давят китайцев» [1, с. 141].

Несмотря на то, что японские власти старались учесть специфику региона, которым управляли, основным барьером, отделявшим метрополию и колонию в политическом плане, как ни странно, являлась политика «соответствия местным условиям», в рамках которой генерал-губернатор сохранял за собой право единоличного управления колонией. Получалось, что экономические связи, языковая и культурная политика сильно привязывали Тайвань к Японии, в то время, как в административном управлении на тайваньцев возлагались только обязанности и не предоставлялись права, напрямую вытекающие из статуса «интегрированной колонии».

Такую позицию японцев можно объяснить антияпонскими настроениями, которые всегда были распространены среди населения колонии. На Тайване (и, в ещё большей степени, в Корее) ассимиляция населения проходила ускоренными темпами, а этническая политика в меньшей степени отвечала интересам тех народов, которые подвергались «окультуриванию». Непрекращающиеся вплоть до 1930-х гг. восстания не давали повода японским властям полагать, что при определённой политической свободе местное население не избавится от японского управления. Помимо риска получения независимости (или значительной автономии от метрополии), представители колоний, имеющие места в японском парламенте, могли влиять и на законодательство всей империи [12, с. 271–272]. Такой вариант правительство Японии не устраивал.

В результате, Тайвань, будучи юридически интегрированным с Японией, за 50 лет оккупации так и не стал полноправной частью большой империи. Японское законодательство, формально действовавшее на Тайване, постоянно дополнялось указами местных властей, которые не смогли адаптировать правовое поле колонии под

законодательство метрополии. Отсутствие реальных политических прав у населения не позволяло жителям колонии легальным образом высказывать собственное мнение, что неминуемо приводило к восстаниям. Жёсткая политика властей в ответ на антияпонские движения и насильственная ассимиляция приводили к ещё большему недовольству населения администрацией острова. Этот порочный круг дополняли сложности, связанные с покорением аборигенов, с интересами которых власти тоже не считались. Политика местных властей, не всегда следовавшая курсу центрального правительства, часто усугубляла те проблемы, с которыми неизбежно сталкивались новые власти Тайваня.

Вместе с тем, японская культура и правовые основы в управлении оказали значительное влияние на Тайвань. Воздействие японской административной системы, правового регулирования, японского образования и образа жизни в том виде, в котором они существовали на острове, привели к формированию особого культурного климата и правового сознания [10, с. 310–311]. Поэтому неслучайно те элементы японского управления, которые помогли тайваньцам выйти на новый уровень развития общества, стали ассоциироваться у них с общением к западным ценностям и современному образу жизни.

Литература

1. Головачёв В.Ц., Перминова В.А. Доклад С.Г. Елисеева о Формозе в Обществе Востоковедения в Санкт-Петербурге (1915 г.) как историко-биографический источник // Восток. 2014. № 6. С. 129–141.
2. Донесения полковника Вогака о действиях японского правительства по усилению вооружённых сил Китая и присоединению острова Тайваня (Формозы) к Японии, о численности и вооружении китайских войск, участвовавших в параде в Пекине, об усилении английского влияния... 18(30) сентября 1895 г. // Сведения о Китае и Японии за 1895–1898 гг. Военно-учёный архив Главного штаба. РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 30. Л. 11–14.
3. История Японии. 20 век / под ред. В.Э. Молодякова, Э.В. Молодяковой, С.Б. Маркаръян. М.: Институт востоковедения РАН, 2007.
4. Тодер Ф.А. Тайвань и его история. 19 век. М.: Наука, 1978.
5. Управление островом Формоза // Китай и Япония. 1914. № 207. С. 41–44.
6. Ушаков К. О политике японцев на острове Тайван (Фомроза) // Китай и Япония. 1914. № 198. С. 35–39.
7. Формоза // Китай и Япония. 1914. № 222. С. 39–42.
8. Hishida Seiji. Formosa: Japan's First Colony // Political Science Quarterly. 1907. Vol. 22. P. 267–281.
9. History of Law in Japan since 1868. Volume 12 / Ed. by Wilhelm Röhl. In Handbook of oriental studies. Section V: Japan / Ed. by Blum M., Kersten R., Low M.F. Leiden, Boston: Brill, 2005.

10. *Huang Chih-Huei*. The transformation of Taiwanese attitudes toward Japan in the Post-colonial Period. In: *Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945* / Ed. by *Li Narangoa, Robert Cribb*. London: Routledge Curzon, 2003. P. 296–314.

11. *Rutter O.* Through Formosa. An account of Japan's island colony. London: Adelphi terrace, 1923.

12. *The Japanese colonial empire, 1895–1945* / Ed. by *R.H. Myers, M.R. Peattie*. Princeton: Princeton University Press, 1984.

13. *Wang Tay-Sheng, Chou I-Hsun Sandy*. The Emergence of Modern Constitutional Culture in Taiwan // *National Taiwan University Law Review*. Vol. 5, No. 1, March, 2010. P. 1–38.

14. Цзиньдайхуа юй чжиминьди (Модернизация и колонии) / Под ред. Сюэ Хуаюань. Тайбэй: Голи Тайвань дасюэ чубань чжунсинь, 2012.

*V.A. Perminova**

**Political integration of colonies by Japan
(by example of Taiwan)**

ABSTRACT: Political, economic and cultural integration of metropolis and colony was the main problem of Japanese colonial policy. As compared with establishing of close economic relations with Taiwan or assimilation of locals, legislative unification of Taiwan and Japan was carried out much slower. Special policy of Japanese authorities, based on separation of powers on condition that administrative power prevailed lead to concentration of power in Governor-General's hands and hindered the process of adaptation of Japanese legislation in Taiwan. As a result, locals attempted to broaden their rights, and as the attempts were ignored by Japanese government, anti-Japanese sentiments increased.

KEYWORDS: Taiwan, Japan, colony, China, political integration, Constitution.

* Perminova Vera Alexandrovna, postgraduate, Chinese Studies Dept., Institute of Oriental Studies, RAS (Moscow, Russia). E-mail: verger177@yandex.ru